

— Заходи, — Хуа Тянь бережно приподнял настоящее тело юноши и подтолкнул его к Цзянь Цзяню.

В лице Цзянь Цзяня наконец что-то дрогнуло. Нелепый, кричащий грим больше не вызывал прежнего отторжения; каждый из присутствующих прекрасно знал, какое истинное лицо скрывается под этой уродливой маской.

Приблизившись к своему телу, Цзянь Цзянь едва коснулся его кончиками пальцев, как мощная невидимая сила втянула его внутрь. Душа и плоть мгновенно слились воедино после короткого, яростного противоборства.

— Больше я не позволю тебе так жить, — тихо прошептал Хуа Тянь, склонившись к самому уху юноши.

Цзянь Цзянь сонно, словно в бреду, пробормотал что-то невнятное и приоткрыл глаза. Наконец-то его лицо предстало во всей красе. Хуа Тянь тут же крепче прижал его к себе, не желая, чтобы чужие любопытные взгляды оскверняли этот миг.

— Уходим. Вонюща здесь несусветная, — Лань Цзыцзюнь развернулся и размашистым шагом направился вон из конюшни. Настроение у него снова испортилось вконец.

Чжун Ли и Хуа Тянь лишь переглянулись и усмехнулись: к скверному нраву Лань Цзыцзюня они оба давно привыкли.

— Хороший малый, — Чжун Ли шагнул вперед и шутливо ущипнул Цзянь Цзяня за щеку. Из-за того что кожа юноши долго не видела солнечного света, она казалась невероятно нежной, прямо как у новорожденного младенца.

Этот жест жутко не понравился Хуа Тяню. Ревниво уклонившись от посягательств Чжун Ли, он поудобнее перехватил Цзянь Цзяня, отчего его лицо тоже заметно помрачнело.

— Ну и что на вас нашло? Чего все так взъелись? — недоуменно проворчал Чжун Ли и тоже вышел наружу.

— Кар-р! — огромный черный ворон послушно ждал неподалеку, готовый пуститься в обратный путь. Дело в Юйяо зашло в тупик, и сейчас важен был каждый час: даже день отсутствия мог все в корне изменить.

Лань Цзыцзюнь уже взобрался на спину птицы и ждал остальных. Хуа Тянь, терзаемый какими-то мыслями, бережно передал засыпающего Цзянь Цзяня на руки Чжун Ли.

— Подождите меня здесь. Я быстро, — бросил он.

— Эй! Ты куда это собрался? — сердито крикнул Лань Цзыцзюнь, но Хуа Тянь даже не обернулся. Проигнорировав оклик, он решительным шагом направился в сторону дальних пристроек поместья.

— Вот же дурак! — в сердцах сплюнул Лань Цзыцзюнь. Соскочив со спины ворона, он бросился вдогонку за Хуа Тянем.

— Куда вас несет?! — попытался остановить его Чжун Ли, но те уже скрылись из виду.

Оставаться с Цзянь Цзянем на руках было тяжело, поэтому Чжун Ли пришлось остаться у ворона, ворча себе под нос.

— Послушай, не суй свой нос в чужие дела, — Лань Цзыцзюнь нагнал беглеца и раскинул руки в стороны, преграждая ему путь.

— Да ладно тебе, я только одним глазком взгляну, честно! Ничего делать не буду, — заискивающе заулыбался Хуа Тянь, преданно дергая Лань Цзыцзюня за рукав.

Тот лишь тяжело вздохнул. Лань Цзыцзюнь прекрасно понимал, что упрямого Владыку ада силой не удержать.

— Ладно, пошли вместе. Но только один взгляд, и сразу назад, — Лань Цзыцзюнь опустил руки и угрюмо зашагал впереди, ведя к главному входу в деревянную лачугу.

Над бескрайними дикими холмами поднялся прохладный ночной ветер. Он разогнал тяжелые тучи без остатка, и яркий лунный свет залил землю мертвенным сиянием. Из хлипких построек то и дело доносились странные шорохи, не позволявшие ночи погрузиться в долгожданный покой.

Скрипнув, тяжелая деревянная дверь медленно отворилась, и на Хуа Тяня обрушился целый шквал испуганных голосов.

— Умоляю, не убивайте!

— Сжальтесь! У меня дома трехлетний ребенок голодает, не трогайте меня!

Из глубины дома раздавался тихий, безнадежный плач.

Внезапно вспыхнул тусклый огонек свечи, вырвав из темноты жуткую картину.

Внутри ютились истощенные женщины и дети. Их одежда висела грязными лохмотьями, а на

руках матери сжимали перепуганных ребятишек — самым старшим от силы было года четыре или пять. Малыши плакали, вцепившись крошечными ручонками в подол материнских юбок, и со смесью страха и ненависти смотрели на вошедших Хуа Тяня и Лань Цзыцзюня.

— Кто вы такие? — осмелилась спросить одна молодая женщина. Заметив, что вошедшие богато одеты и статны собой, она решилась подать голос.

— Мы... — Хуа Тянь запнулся. Он растерялся, не зная, кем назваться, чтобы не посеять еще большую панику среди несчастных.

— Мы из управы, — спокойно отозвался стоявший рядом Лань Цзыцзюнь.

Его слова мигом рассеяли последние сомнения женщины. Лицо ее исказилось от горьких слез, которые ручьем покатились по щекам.

— Господа чиновники! Сжальтесь, спасите нас!

Услышав это, все женщины в лачуге попадали на колени. Прижимая к себе плачущих детей, они принялись неистово бить поклоны, умоляя о пощаде. В тесном помещении поднялся невообразимый гвалт.

— Полно вам плакать. Поднимитесь, — Хуа Тянь указал на заговорившую первой женщину. — Ну же, рассказывай, что здесь стряслось?

— Господин... Все мы — честные женщины, у каждой дома мужа, семьи... Нас похитили, заманили обманом эти проклятые работорговцы. Нас держали здесь под замком, измывались как хотели... А теперь собираются угнать на границу, чтобы продать в военные лагеря для утех солдатам! А детей наших... вырастить и продать в бордели... — несчастная разрыдалась, не в силах продолжать. — За что нам такая горькая доля? Но боги смилостивились над нами, раз послали вас! Наконец-то справедливость восторжествовала!

— Что за дичь?! — возмутился Хуа Тянь, помогая бедняжке подняться на ноги. — Не бойся. Мы с этими мразями разберемся, мало не покажется.

Затем он резко повернулся к спутнику и требовательно протянул ладонь:

— Лань Цзыцзюнь, гони монету!

Тот стоял, безучастно скрестив руки на груди и наблюдая за происходящим со стороны, но стоило этому безумному Владыке ада снова покуситься на его кошелек, как Лань Цзыцзюнь сердито сверкнул глазами. Впрочем, спорить не стал — молча выудил из-за пазухи тяжелый кошель и высыпал все серебро прямо на деревянный стол:

— Это все, что у меня с собой.

— И зачем ты их высыпал? Мне теперь обратно собирать?

"Чтоб тебя черти побрали!" — мысленно выругался Лань Цзыцзюнь.

Даже пустой шелковый кошель Хуа Тянь отдавать не собирался. Смахнув монеты обратно, он вложил туго набитый мешочек в дрожащие руки женщины.

— Берите деньги и уходите отсюда. Живее.

— Но как же... — женщина в нерешительности замерла. Если они просто побегут всей толпой среди ночи, разбойники переловят их по одному и накажут еще суровее.

— Ничего не бойся, уходите спокойно. Все остальное — наша забота. Я этим ублюдкам кости переломаю, — ухмыльнулся Хуа Тянь, с хрустом разминая кулаки.

— Мы предадим их суду, а не «переломаем кости», — сухо поправил его Лань Цзыцзюнь. Раз уж они выдают себя за стражей закона, стоило хотя бы выражаться подобающе, а не вести себя как разбойники с большой дороги.

Когда толпа испуганных женщин и детей наконец покинула лачугу, скрывшись в ночной темноте, Хуа Тянь облегченно выдохнул и самодовольно пихнул спутника локтем:

— Ну что, брат Цзыцзюнь? Скажи мне спасибо! Я только что помог тебе заработать великую добродетель. Не чувствуешь, как вокруг твоей головы засиял золотой нимб, разогнавший твою вечную тоску?

— Провались ты... — процедил сквозь зубы Лань Цзыцзюнь.

Проводив беглецов до безопасного места, они удивленно переглянулись: за все это время им не попался ни один часовой. Но стоило им вернуться к задним постройкам, как причина этой тишины проявилась сама собой.

Яркие всполохи факелов заливали конюшни желтоватым светом, а ночной воздух содрогался от неистовых криков.

Разъяренная толпа работоторговцев плотным кольцом окружила Чжун Ли и Цзянь Цзяня, сидевших на спине исполинского ворона. В руках мужчины сжимали увесистые дубины, то и дело угрожающе замахиваясь на чужаков. Чжун Ли, бережно закрывая собой спящего юношу, не мог развернуться в полную силу, а кольцо врагов тем временем сжималось все сильнее — до них оставалось не больше шага.

Черный ворон вжал голову в лоснящиеся перья и испуганно щелкал клювом, что лишь добавляло нападавшим храбрости.

— Убирайтесь, пока целы. Я не хочу вас калечить, — ровным голосом предупредил Чжун Ли. Его ладонь лежала на рукояти скрытого в свертке меча. Он колебался, стоит ли вообще обнажать клинок против обычных смертных — слишком уж много чести для этой швали.

Однако эти слова лишь подлили масла в огонь. Обезумевшие бандиты взревели от ярости, и первая дубина уже со свистом полетела в голову Чжун Ли. Тот незамедлительно потянул меч из ножен.

— Какая сука посмела покуситься на то, что принадлежит мне?! — раздался ледяной, пронизанный лютой злобой голос.

Из темноты неторопливой походкой вышел Хуа Тянь. От него буквально веяло могильным холодом, а его потяжелевший взгляд мертвой хваткой впился в Цзянь Цзяня, дремлющего на руках Чжун Ли.

— Твоих рук дело? — Хуа Тянь неуловимым движением явил миру флейту из фиолетового бамбука и ткнул ее концом прямо в грудь стоявшего ближе всех заводилы. Главарь банды опешил: парализованный леденящим страхом, он даже не попытался защититься. Пальцы его разжались, и тяжелая дубина с глухим стуком покатилась по земле.

— Пошел прочь, заморыш! — рявкнул протиснувшийся вперед верзила с перекошенной от злобы рожей. Схватив испуганного подельника за загривок, он швырнул его в сторону как тряпичную куклу.

Этот громила был вдвое крупнее Хуа Тяня. Его туша, словно гора мяса, заслонила пламя факелов, отбросив на Владыку ада огромную, зловещую тень. Глядя на Хуа Тяня сверху вниз, гигант процедил:

— Не наглеяй, щенок, не то я тебя сейчас в лепешку расшибу!

<http://bllate.org/book/18412/1796483>